

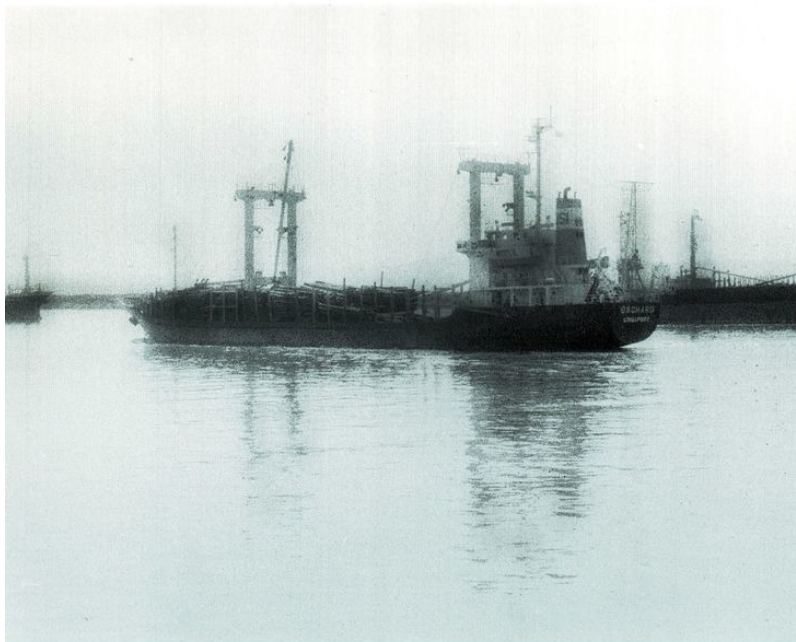
18+

ЕВГЕНИЙ ЧЕРНОСВИТОВ

Сиреневые сумерки

五光汽船株式会社
五光汽船株式会社
五光汽船株式会社

五光汽船株式会社
五光汽船株式会社
五光汽船株式会社

Евгений Черносвитов

Сиреневые сумерки

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=49603343

ISBN 9785449800800

Аннотация

Книга известного литератора Евгения Черносвитова. Его философско-психологические рассказы «Казусы», эзотерические романы «Сага о Белом Свете», «Формула смерти» – нашли отклик у широкого читателя в России и за рубежом. Стихи, представленные в Сиреневых сумерках – философичны и психологичны. Марина Черносвитова и Екатерина Самойлова – эссеисты и поэтессы, частые соавторы Е. Черносвитова, в книге неслучайны. Они, с женской стороны, раскрывают замысел и показывают глубину смысла Сиреневых сумерек. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Предисловие	8
В сиреневых сумерках бытия...	8
Сиреневые сумерки	11
Одинок – ни друзей, ни подруги...	11
Я печалю скребущим подобен...	12
На рыбалке	13
Не знаю, почему так тяжело...	14
Черта плешивого к тому же вонючего...	16
Дождливый, холодный, гонящий домой...	17
Алле Ч. (Что за сволочь, что за сука...)	18
Он шел один, задумчивый мечтатель...	19
Алле Ч. (Ты наконец пришла...)	20
Поэту Соболю и не только ему. Еще и Яни	22
Наташе	23
Зое Ф.	24
Часы	25
В этом мире нужно верить в Бога...	26
Пеленою серой зло окутано...	27
Голубые, печальные, далекие, странные...	28
Не жди не проси, и не моли...	29
Кирину М.	31
Мне бы женщину, ласкающую вечером...	32
Абакумовой Е.	34

Если бы музу Петрарки...	35
Е.А. (Минуты, минуты, часы – без тебя...)	36
Е.А. (Тик-тик и только ходики...)	37
Е.А. (Опять пурга снежная...)	38
Е.А. (Милая Ленка где ты сейчас?..)	41
Е.А. (Как ждал я тебя, тетрадный листок...)	42
Е.А. (Кто мир поделил на города?..)	43
Страшнее всего – успокоиться!..	44
Е.А. (Здравствуй, любимая, твое письмо я получил...)	45
Ты помнишь, томящий...	46
А.Е. (Ты – плод воображения...)	47
Е.А. (Был дождливый...)	49
Е.А. (Ты стала навязчивой идеей...)	54
Рае	56
Л.М. (Я нарочно в измятых, не глаженных брюках...)	57
Л.М. (Ты целуй меня, целуй...)	58
Л.М. (Глыбы камня сирого, да пни обгорелые...)	60
Порывы	61
Ненависть	62
Любовь	63
Презренье	65
Страх и трепет	67
Тоска	69

Пятна чувств	71
Римме Пужаевой	72
Римме П.	74
Мише Кирину	75
Женщина	76
Римме П. Мише К, – кроме 15 строчки	77
Космос	79
Паньковой Нине, моей однокласснице- самоубийце	80
Римме П. (Ты не пришла, тебе легко...)	81
Кирину Мише	82
Белле Н. Весна	83
Незнакомке	84
Волнение	85
Эпитафия для себя	86
Друзьям	87
О, жизнь! Насколько ты глупа...	89
Мы	90
Белле (Какая-то тихая мелодия...)	93
Римме П. (Ты близко, друг мой...)	95
Римме П. (Я люблю целовать твои губы...)	96
Наде	97
Тане Романюк, моей однокласснице – самоубийце	99
Саше Бичеву, моему однокласснику- самоубийце	101

Р.С.В элитной школе №55 города Хабаровска
Конец ознакомительного фрагмента.

103

105

Сиреневые сумерки

Евгений Черносвитов

Редактор Екатерина Александровна Самойлова

Дизайнер обложки Марина Альфредовна Черносвитова

© Евгений Черносвитов, 2020

© Марина Альфредовна Черносвитова, дизайн обложки, 2020

ISBN 978-5-4498-0080-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Посвящается леди Детердинг

Фото на обложке – Евгения Черносвитова. «Лесовозы капитана-директора Хонго в Татарском проливе». 1969 год.

«И сам я сон, который снится

Кому-то, где-то в Вышине»

(Михаил Михайлович Достоевский)

«Что видим мы и что видят в нас

есть только сон и сон внутри другого сна»

(Эдгар По)

Предисловие

В сиреневых сумерках бытия...

Евгений Черносвитов, человек науки, дал своей книге стихотворений название лёгкое и поэтичное «Сиреневые сумерки». И сразу возникает образ деревянного загородного дома, в котором он живёт, весь устремлённый в творчество, научное и литературное. Рядом с ним его Музы: жена Марина и дочь Катя. Они тоже пишут стихи, которые щедро представлены в этой книге.

Марина занимается историей, а Екатерина пошла в какой-то степени по стопам отца и посвятила свою жизнь психологии и психиатрии. В клинических больницах ей удалось собрать удивительные афоризмы пациентов и даже опубликовать их, поскольку они того заслуживают.

Человек внимательный к людям обладает способностью внимать другим. Анна Ахматова задавалась вопросом: «Из чего возникают стихи?» Оказывается, нередко из *внимания* солнцу, ветру, небосводу, почве и людям, ныне живущим и оставившим свой след на земле.

Марина Черносвитова вместе с дочерью Екатериной Самойловой собрала книгу этюдов «К истокам русской духовности». Не удивительно, что многие страницы этой глубокой

книги посвящены Есенину и Шукшину, самым преданным сынам России, чей жизненный и творческий путь ещё мало осмыслен.

Однако особо хотелось бы остановиться на книге, которая объединила трёх авторов: Марину Черносвитову, Екатерину Самойлову и отца талантливой семьи Евгения Черносвитова. В том, что они счастливые люди, мы не сомневаемся. Для счастья нужны соучастники.

Евгений и Марина давно нашли друг друга. А потом у них появилась дочь, как заявка на бессмертие. Все было бы отлично, однако совместная книга прозы жизни называется «...в этом мире несчастливы...». Оказывается, у других людей бывает и так. В книге собраны документальные истории, художественно осмысленные. Эта книга стала бестселлером. Куда идти дальше?

Думается, от прозы жизни путь лежит к поэзии жизни. И такой решительный и смелый шаг в непредсказуемую область сиреневых сумерек бесконечного и вместе с тем трудно уловимого мира поэзии они сделали. Перед нами их совместная книга стихотворений, возникшая из какой-то первоначальной стихии бытия.

Видимо, вдумчивый психолог Евгений Черносвитов догадался, что в сиреневых сумерках три поэтических фигуры в проёме окна деревянного дома, выросшего в землю, это, несомненно, больше, чем один задумчивый профессор с его научными и литературными текстами, которые с течением

времени превращаются в неумолимые тесты для себя и окружающих. Как сказал один современный поэт «Поэзия – мерило бытия». Поэтому, прекрасно, если человек науки может предложить миру и свои стихи.

Наталья Сидорина

Сиреневые сумерки

Одинок – ни друзей, ни подруги...

Одинок – ни друзей, ни подруги.
Лишь тоска неразлучна со мной.
День за днем и все меньше досуга.
Длится день, страшен призрак ночной.
Так, шатаюсь, завидую нищим,
И не можешь ни встретить, найти...
Столько лиц промелькнет – тыща тысяч.
Все не тот, и не та, и не те!
Вот уже и боишься, готовый изменить,
Но кому? Сам себе!
Только тени, лишь тени опорой
Служат в этой не равной борьбе.

14.VII.65

Я печалям скребущим подобен...

Я печалям скребущим подобен —
Вверх мгновенье и снова внизу.
Хорошо, что еще неспокоен.
Хорошо, что чего-то хочу.
Ничего, что тоска сердце гложет.
И грустит, чуть насмешливый взгляд...
Через чур уж тонка эта кожа!
Да и сердце сменить был бы рад.
Но широк и могуч ум природный
От рожденья зачем-то же дан...
Пусть качелям скрипучим подобен...
Этот скрип повторять векам!

16.VII.65

На рыбалке

Костром провоняли брюки.
Свежей рыбой не пахнут руки.
Мы скулили, как старые суки
И терпели ужасные муки!

20.VII.65

Не знаю, почему так тяжело...

Не знаю, почему так тяжело —
За шагом шаг по этой странной жизни.
Встречая, с убеждениями страстно
В своем невежестве погрязших «ближних»!
Не обойти, не убежать, не скрыться...
Они везде и даже сны кошмарны.
Мелькают, кружатся, язвят пустые лица,
И мельтешат в скоплении базарном.
И горечь, и обида, и жестоко
В толпе снующих быть лицом печальным.
Не понятым и просто одиноким,
Трепещущим пред синей, синей далью!

Зеленое, горько-кислое, Ветром сбитое.
Дождем омытое, землей покрытое,
В руках случайное, в глазах печальное...
Кисло-горькое у губ маешься!
...Сочное, уже крупное —
Дней бы несколько солнцу радоваться,
Если б пожалел тебя ветер непрощенный.
Горько-кислое, дважды брошенное.

Песок в глазах и льдинки в груди —
Слезинкам на воле тесно...
Строка за строкою ложится в ночи —

Диктует больное сердце.
Глухо пульсирует кровью висок —
Губы твои – предо мною.
И, кажется, что безразличный листок
Готов разрыдаться со мною.
Давно уже известно – коварна судьба,
Несчастье нагрянет неожиданно.
Но сколько б отдал, чтоб лишь не тебя —
Избрало своею желанной!
Упрямо пульсирует кровью висок
И льется слеза за строкою...
О, чтоб я ни отдал, если бы мог
Долю развезть с тобою!

30.VII.65

Черта плешивого к тому же вонючего...

Черта плешивого к тому же вонючего
В объятых другого не мною замучена...
Томит, ковыряет, гнетет суета —
Тоска иль другая, не лучше судьба.
С спросонья уж клонит ко сну, плохо спится.
От жизни такой не пора ль удавиться.
Не пьется, не льется противной струей
В шершавую глотку на радость желудка.
Уж полно, уж хватит...

Еще раз до дна.
Забыв, что на утро получишь сполна.
Окутал дурманом дешевый настой —
Роешься в складках какой-то юбочки...
Сам по себе со своею тоской
В ритмах потеешь и млеешь с девчонкой.
Разбитый, икая, ползешь под кровать...
Зачем я родился? Едрить твою мать!

Дождливый, холодный, гонящий домой...

Дождливый, холодный, гонящий домой —
Воскресный сентябрьский день.
Там, за окном, вой ветер, вой.
Крепко затворена дверь.
Здесь у меня, уютно, тепло —
Музыка льется, царит.
Но каплей холодной упрямо и зло
Дождик в окошко стучит.
Звуков в пучину, с лихвой погружен —
Утонул и исчезла печаль...
Грежу, окутанный синим сном —
Жаль мне себя, ох как жаль!

19.IX.65

Алле Ч. (Что за сволочь, что за сука...)

Что за сволочь, что за сука —
От тоски рыдает брюхо.
Часть его, пупка пониже,
Что желало ее ближе.
Не пришла она, каналья.
И к чему теперь, рыданья?
Вот бы вместе с ней поплакать!
И, как следует, покакать.

С 1 на 2.Х.65

Он шел один, задумчивый мечтатель...

Он шел один, задумчивый мечтатель.
Без цели, просто шел, куда вела тропа.
Незрячий взгляд пугал холодной сталью.
В глазах немых застыла робкая слеза.
Он шел один, влача устало ноги.
А мир кругом загадочный, большой.
Но этим миром обделили его боги!
Мир для него – не познанный, чужой.
Ушел. Никто негде и даже не заметил.
Насмешкой – прожитая жизнь была...
Да, мы всегда от жизни ждем ответа,
И, не дождавшись, мы виним себя.

3.Х.65

Алле Ч. (Ты наконец пришла...)

Ты наконец пришла. Я ждал, надеждою согретый.
Пусть лишь мгновенье, но ты была со мной.
Ко мне пришла... Но ждал тебя Он где-то.
Совсем не я – Он был твоей судьбой.
Просить прошение робко можно.
Не думая, где правда, а где нет.
Не напугав мгновенье этой ложью
И – ничего не требовать в ответ.
Извинилась, робко опустила
С выпавшей ресничкою глаза...
Лучше бы все это мне приснилось —
Ты и ночь, и глупые слова!
Мы с тобой – бежит жестоко время...
Ты украдкой смотришь на часы...
Быть со мною – так уж тяжело бремя?
Я и Он —ну брось нас на весы!
Не обижусь, знаю, все случайно —
Встреча вечер, взгляды, поцелуй.
Счастлив я, я счастлив до отчаянья —
Вот моя рука, возьми, я протянул.
Ты ушла во тьму и вмиг исчезла
Ты ушла совсем, ушла легко.
Мое сердце примирится с раной свежей
И не дрогнет гордое чело!

Поэту Соболю и не только ему. Еще и Яни

«Поэту»

Тебе за сорок пять – другие жили меньше.
Поэтом называешь ты себя —
Скуля, гнусава, лжешь, кропая верши —
Уж прожил жизнь поэтов – зря не зря.
Волос твоих лишилась голова, устало
И хищный ряд зубов уж поредел...
И твердость строк, как твердость рук, пропала —
Но зги не видно – где ее предел.
Тобой испорчен лес густой – бумаги.
Лес стройных сосен и невест-берез.
Тебе б одной хватило для отваги...
О, шелудивый, гнусный, не отважный пес!
Но весь ты не умрешь —, растраченный годами.
Дрожит рука, марая белый лист.
Что хочешь ты сказать, коверкая словами?..
Ты не поэт, прямой кишки ты глист!

Наташе

Этот вечер из сотни других,
Проходящих бесследно, без боли —
Строкой за строкою ложится в стих —
Поневоле!
Зачем я проник в туманы глаз?
Бездонных, как ночное море...
Лгут руки, лгут губы, жжет тело подчас —
До боли!
О, женщина – будь же ты проклята вся!
Я в смятении, я в отчаянии!
Зря, зря, зря, все зря!
Случайно!

18.X.65.

Зое Ф.

Сидишь ты, онемевшая статуя —
Мечтательно томление в глазах.
А, вот возьму тебя и поцелую —
Ты не успеешь даже отказать!

22.X.65

Часы

Один, этим вечером тихим,
Сменившим усталые дни,
Гляжу на кукушку, что лихо
Кукует, сорвавшись с цепи.
Да, быстро проходит время —

—

Кукушка здесь не причём.
Почему моя жизнь – бремя?
Спокойные дни почем?
Растет гора дней —
Пространство жизни моей.
Где конец, предел?
Частокол дней поредел!
Как прогнать туманную муть?
Умереть и не икнуть?
Как бы себя не слышать,
Коль правды нет и выше!
В лазури растаять
Росой насладится, лучами?
Обман и беду понять?
Едрить твою мать!

В этом мире нужно верить в Бога...

В этом мире нужно верить в Бога.
Оставляя дьяволу неверье.
Для себя оставить то, не много —
Земляничное варенье.
О. не дай Бог пагубных желаний!
Тот ведь счастлив, кто узреть сумеет
Фокус жизни пусть вчера, пораньше —
Правая рука две щеки бреет...

Не румяню щек.
Мне не нужен лифчик.
Все придет в свой срок —
И не лишне!
Свеж и сладок сон спелой вишни.
Ты же костью гремишь.
Кожа в лохмотья.
Не идешь и не стоишь. Вишь.
Обормотья!

30.X.65

Пеленою серой зло окутано...

Пеленою серой зло окутано.
Небо с землею перепутано.
Хлещут холодом тучи яростно.
Брюхо голодом опоясано.
Думы пенятся злой усмешкою.
И не верится в разум вечного!
Черной молнией ленты хлещутся.
Лица гордые, флаги плещутся.
Кровью залито в небе зарево
Чеканю тяжелый шаг —
Будет сломлен враг!
Все повергну низ —
Это мой каприз

4.XI.65

(32 комната, 30724 Таня)

Голубые, печальные, далекие, странные...

Голубые, печальные, далекие, странные —
Глаза твои, милые, где вы, желанные?
Нежная, ласковая,
Сказки прекраснее.
Заглядение ночи —
Синие очи.
Тоскою жгучею
Не изволь мучать!
Зову и желаю я
Тебя одну, лучшую.
Страстью безмерной —
Измучен, истерзан —
Брожу одиноко
Под бременем Рока

12.XI.65

Не жди не проси, и не моли...

Не жди не проси, и не моли —
Нас оборвет холодное «прости»!

Вьюга стонет зловеще и дико —
Неприветлив конец ноября!
Спят деревья и реки накрыты
Толстой шубой звенящего льда.
Не слышны пестрых птиц переливы.
Растворился цветов аромат.
Пусть зима, но у нас именины —
Бал цветов, майский сад!
Вот гвоздики, вот розы, левкои —
Сплетены вместе в чудный букет —
И ласкающей, нежной рукою
Лепестками усыпан паркет.

Вон, не спят, загадочно, две звезды в ночи
Я шепчу, любимому: «Только не молчи!»
Милому достаточно помнить обо мне...
Воет вьюга злющая в кромешной тьме.
Лишь на миг забытые
Слезы брызжут вновь.
И вино пролитое
Словно кровь!
Вот волной нахлынуло сладкое томленье.

Миг желанный близится...

Чтоб исчезнуть тенью!

5.ХП.65

Кирину М.

С Новым, морозным
На чужой стороне —
Годом серьезным
В твоей судьбе.
Поздравляю теплом твердой руки —
Живи, Миша, дальше, и мне пиши!

12.XII.65

Мне бы женщину, ласкающую вечером...

Мне бы женщину, ласкающую вечером.
Мне бы женщину, горячую, ночью.
Мне бы женщину, исчезающую утром.
Мне бы женщину невидимую днем.

Когда я один – а бывает так часто,
Шумный день, затихая, уходит ко сну —
За окном пустота, там снежинки искрятся,
Улетая в морозную тьму.
На душе так тоскливо, что хочется плакать...
Вот когда ты нужна, как калоши в слякоть.
(как теплый сортир, когда хочется какать)

Вошла, полновластной хозяйкою ночь
В город вступила, уснувший в истоме, —
Члены раскинувший, в подушку – нос,
Похрапывающий в неоновой дреме.
Быстро прикрою властный зевок,
Слабеющей рукою —
Ты ко мне прыгнула – скок, скок
Ну и черт – с тобою!..
Еще хоть минутку, но надо встать —
А на улице сонные, злые лица...

Мне, по правде, на тебя наплевать.

И хочется удавиться.

В девять – там. А к обеду опять опоздал!

В шесть – поскорее б автобус!

Куча дел, где концов еще больше начал —

Закрутился совсем – как глобус.

В суете сует мысль одну ласкаю:

Как хорошо, когда не мешают!

19.XII.65

Абакумовой Е.

Как долго, как странно я жил без тебя —
Задумчиво грезы лаская.
Бродил одиноко, небо смоля —
Бога, себя проклиная!
В толпе масок искал твои глаза —
Оттолкнувшись от сотни улыбок.
Случай слепой иль моя звезда —
Все же тебя увидел!
Как тесно стало сердцу в груди —
Избившись – сжалось в комочек!
Стоишь предо мною – мечта моя ты!
К тебе сердце выпрыгнуть хочет!
Стонал, извивался, рыдал саксофон.
Елка кружилась беспечно.
А я, пораженный, не знал – это со?
Если сон, пусть продолжится вечно!
Властной силой – вот я рядом с тобой...
Электрический ток пронзил тело...
Поплыл, исчезая, надо мной потолок —
Хохотом бездна взревела!

Если бы музу Петрарки...

Если бы музу Петрарки
Любовью моей обласкать.
Если бы силу Данте
На чувство мое поменять —
Адама был бы счастливей —
А Евы – счастливее ты:
Блаженствуя в этом мире
Аркадии детьми!
Куда-то исчезли бы все муки,
Умчались бы беды все прочь —
Молил, целуя руки:
О, дай мне свою любовь!
Вечность бы стала слугою,
А ты – моею судьбою!

4.I.66

Е.А. (Минуты, минуты, часы – без тебя...)

Минуты, минуты, часы – без тебя...
Летите, быстрее, мгновенья!
Чтоб будущий вечер встречу суля —
Тобой утолил нетерпенье!
Промчались часы и вот я снова с тобой —
Замри, не тревожь нас время!
Мечта моя будто бы стала судьбой —
Откуда же прохладою веет?
Не страшно расстаться? Какая ложь!
Каждый метр от тебя – ужасен!
От одной только мысли стынет кровь —
Быть с тобою не властен!
От разлуки с любимой любовь сильней...
Но моя, ведь, не знает границы!
Верую в встречу, но жить только верой, поверь —
Ну лучше ль пойти, утопиться?!

6.I.66

Е.А. (Тик-тик и только ходики...)

Тик-тик и только ходики
Поют, рифмуя время.
Сердятся, злятся, скоро ли
Усну, замру, злодеи!
А впереди холодная
Ночь пугает душу.
Одинокая и долга
Тоскою мучит.
Мне б, дрожа, прижаться,
Твоим согреться телом.
Всю ночьку целоваться —
Милуясь, между делом.
Что время? Лишь мгновение,
Когда в твоих объятьях...
Но нет тебя – лишь тенью
Маячишь ненаглядной!
14.I.66 (час ночи)

Е.А. (Опять пурга снежная...)

Опять пурга снежная
Воеет ветер жгучий.
Утро болью свежею
Опять мучает!
Нет, не страшны, тоскливые,
Подушкою помятые
Лица мои милые.
Заботой чьей объят я.
Нет, не коробят речи их,
Совсем не замечаемы...
Но нет, о нет, опять твоих
Писем так желаемых!
Не допускаю мысли я:
«Они все не отправлены»
И, почтарей клянущ, моля:
«Несите же их, коварные!»
Будь проклята та станция,
Где люди так неловкие,
Задерживают счастье мне,
Несомое строчками.
Я даже знаю, как оно,
Письмо ее начато мне:
Люблю тебя, люблю еще —
Где письма, где, проклятый?
Не допускаю мысли я — еще все неотправлены —

И, поскорей, клянуну, моля,
«Несите же их, коварные!»

Будь проклята та станция, где люди так неловкие!

Задерживают счастье мне,
Несомое строчками.

Так, утро днем сменяется,

Пугает вечер ночью,

Которую все маешься

Не получив ни строчки!

16.I.66

"Модно ред 1, беј ези
 Тге мекана, рге, нрмелонд!
 те го мекана мекана 1
 "Ези беј ред нрмелонд"
 "и нрмелонд кални, мекан:
 "Текне не ак, нрмелонд!
 Тнго нрмелонд та едмел
 Тге мекан та нрмелонд
 нрмелонд нрмелонд нрмелонд
 нрмелонд нрмелонд нрмелонд

Тн ан ет нрмелонд нрмелонд
 нрмелонд нрмелонд нрмелонд
 нрмелонд нрмелонд нрмелонд
 те нрмелонд нрмелонд

16/1 66.2.

нрмелонд.

Е.А. (Милая Ленка где ты сейчас?..)

Милая Ленка где ты сейчас?
От твоей фотографии не оторву глаз!
Как дорога мне каждая строчка,
Каждая складка твоей кофточки!
Губы, подобные луку Амура —
Приблизь же скорей —я расцелую!
Упрямый и гордый, маленький носик...
О, милая Ленка, я люблю тебя очень!
Брови взметнулись чайкой свободной
И, задумчиво-нежный взгляд глаз огромных.
Что ж ты, надулась, упрямо молчишь
Разве не слышишь, как сердце стучит?
Школьница милая, где твои косы?
Где ты, любимая, мучусь вопросом?!

16.I.66

Е.А. (Как ждал я тебя, тетрадный листок...)

Как ждал я тебя, тетрадный листок,
Исписанный аккуратным почерком!
Торопился, волнуясь: принес не принес?
Почтальон долгожданные строчки.
Вот ящик почтовый, мгновенье, замри...
Одно лишь движенье – узнаю!
А сердцу вдруг стало тесно в груди,
Душой уж в раю обитаю!
А, вдруг он холодный, он просто пустой —
Снег лишь белеет, случайный.
Довольно! – Движение быстрой рукой
О, небо! За что все страданья?
В моих ты руках, тепло ее рук —
Причина сладкой истомы...
Забыты тревоги, испытанных мук —
А сердце для новых готово!

Е.А. (Кто мир поделил на города?..)

Кто мир поделил на города?
Кто выдумал эти самолеты?
Почем я в городе А.
А ты – в Б, далеко!
Как он смел унести тебя?
Без тебя – город мой, пустыня!
Здесь так холодно, ледяная земля...
Здесь деревья совсем седые!
Ветры воют долгую ночь,
Завывая, морозят душу.
Сил уже нет, тоску превозмочь,
Устоять, не замлеть пред стужей!
От города А до Б
Сколько дней, километры какие,
Прошагать нужно мне,
Чтоб согрели глаза дороги?
Чтоб замерзшие руки мои,
Побелевшие, сжатые губы
Отогрелись дыханьем твоим?
...
Жди меня в Б, далеко.
Я – буду!

Страшнее всего – успокоиться!..

Страшнее всего – успокоиться!

Замереть, распластавшись, в истоме.

Ты, Она, Благополучье – святая троица.

И жизнь прожить в сладкой дреме.

Шарахаться от малейшей тревоги.

Бежать от мысли – задуматься.

Влачить, убаюканно, годы —

От прямых лучей света – жмуриться.

Утонуть в пуховой перине...

Сюсюкаться, облизываться, с детками...

Страна Аркадия в одной квартире.

В степи раздольной – золотая клетка!

А Я – движенье. Всегда в тревоги —

Каждым мускулом, каждым нервом —

Отвечаю любым невздам

И в иное счастье не верю!

(когда я вижу вас, мне все в мире кажется
отвратительным... чай пила, а пуп холодный)

18.I.66

Е.А. (Здравствуй, любимая, твое письмо я получил...)

Здравствуй, любимая, твое письмо я получил
Двадцатого, с вечерней почтой.

Не скрою, с нетерпением конверт открыл,
Но прочитал ночью.

«Люблю, скучаю, жду, твоя» —

Взаправду глаз не оторвать от этих строк —

Терзаюсь!

Тебя напрасно проклиная...

Знаю...

Но, не могу прожить и дня —

Вот мой порок!

Боль моя!

Душа в разлуке,

Сука!

Ты помнишь, томящий...

Ты помнишь, томящий
Вечер в дремучем лесу?
Деревья угрюмо, печально
Хранили в листве тишину.
Пруд заросший, уснувший
Страшной тайной на тебя,
Глядел и мучил —
Тина влекла, маня.
А я, сквозь корявые сучья
Руки тянул к тебе,
А, может быть лучше
Смириться, и кануть во мгле?
Но ты подошла,
Прижалась, ко мне, дрожа...
...Это было вчера,
Это было во сне!

19.I.66

А.Е. (Ты – плод воображения...)

Ты – плод воображения.
Тоска бедного, больного рассудка.
Огромный, раскаленный солнца диск в брожении
Спутал часы и сутки!
Черной, сплошной стеной ели
На спящее сердце давят.
Мы с тобою прозрели —
Валя!
Звезды в безмолвном небе —
Как холоден неба ужас!
Не был, я не был...
Жил-не жил, мучась!

Где-то там, за грядою,
Где-то там, за лесною
Одинок в избе печальной,
Ждешь меня ты – я твой, желанный!
Суженный, не ряженный —
Твой!
Извивается лентой без тени —
А кругом молчаливые ели —
Речка, в тиски зажата —
Это за любовь расплата!
Ты – большая моя утрата!
И ты сама во всем виновата!

Эхо в морозном воздухе
Каждым словом звенит —
Мать твою итит!
Лес тяжелыми вздохами
Про тебя молчит.
Уж совсем темно, жутко, холодно.
Охает филин, глупая птица.
Может ведьма голодная
Там, за пнем обгорелым, томится?!
Косогор – ох как сердце забилося!
Небо багрово-кровавое.
Иду, пробираюсь, где-то что-то случилось,
Растворяюсь заревом.
Темная, тихая ночь —
Мир уснул, может даже на вечно!
Я иду, я бреду в ночь прочь!
До того, что иду беспечно...
Как я люблю тебя, о, боже!
Так любить нельзя, негоже!
23. II. 66

Е.А. (Был дождливый...)

Был дождливый, с сильным ветром сентябрьский вечер.

Грязные, опавшие листья покрыли сплошным ковром набережную Амура. Волны с какой-то необъяснимой тупой злобой, пенясь, разбивались о скалу «Ласточкино гнездо». Брызги волн смешивались с крупными каплями дождя река рыдала, река кипела.

Было безлюдно. Лишь двое, казалось, ничего, что делается вокруг и кругом, не замечали. Бледное лицо юноши светилось неоновым светом. Ветер рвал, расстёгивая его плащ. Ветер лохматил волосы. А юноша хохотал, дергая головой на встречу каждому порыву ветра, хлеставшего лицо ураганным дождем. Глаза юноши блестели, как зеркала Юпитера. Хохот прерывали гортанные выкрики:

«Рви волны ветер, хлещи дождь. Горбаться река дикой усмешкою! Сильнее вас я, я ваш, я – с вами!»

Тонкие, трепетные ноздри юноши алчно втягивали воздух. Тело дрожало.левой рукой юноша крепко прижимал к себе совсем юную подругу. Ее руки в кольцо обвили шею юноши. Голова была запрокинута, скрытая копной густой развеянных черных волос. В общем, пара эта была безумна, прекрасна в своем отчаянно счастлива.

...Они познакомились недавно – совсем давно! Она хорошо помнит тот летний, теплый вечер, вечер отдыха в го-

родском Парке Морских Офицеров. Сергея она увидела сразу, как только он вошел, остановившись на миг в просвете ворот: волнистые, светлые волосы и глаза большие, синие, печальные. Взгляды их сомкнулись. Сердца у обоих сжались в комочек. Потом забились, как воробьишки, попавшие в силки. Звуки духового оркестра, исполняющего вальс «Амурские волны», гуляющие пары, и одинокие мужчины в мундирах морских офицеров, гибкие девушки в тужельках белых, в ситцевых платяцах, – все поплыло куда-то, исчезая в прозрачном воздухе.

Какое-то остановившееся мгновение девушке казалось, что Он ее не видит (а, может быть, не хочет замечать?). То же самое казалось ему (ах, я не в мундире, она меня не замечает!)

Она не помнит, как он к ней подошел, что сказал, как взял ее за руку. Так и он, был в неведении целое мгновение! Она откуда-то узнала (сверху?), что его зовут Сергей. А он, таким же образом постиг, что ее имя Елена. Так, крепко держа друг друга за руку, они прошли на танцплощадку. Конечно же танцевали, но музыку не слышали. Ничего не видели... Только глаза, напротив. Все кругом кружилось, и они плыли в вихре кружения вместе со всем и всеми. В круговороте они целовались так, как целуются возлюбленные.

...Они стали встречаться. Да, каждый день. Он учился в медицинском институте. Она только что окончила школу, У него, каждый день занятия по 6 часов – в институте, и 2 ча-

са практики в городской больнице. А Лена еще не выбрала свою стезю. Короче, она была ото всего свобода. Все эти 8 часов она ждала его на набережной: вдруг сбежит с лекций или подменится в больнице?

Она сразу почувствовала, что Сергей – натура романтическая, обуреваемая страстями... Однажды, он повел ее ночью на кладбище, и бросил там, среди могил, откуда и днем трудно выбраться из лабиринта оград... Ну, да ладно! Это легко забывается. А, вот лунные светлые ночи на песчаной косе среди амурских волн, куда они приплыли на утлой лодке, она не забудет никогда! Пламя костра в ночи освещала их лица, превращая в прекрасные красные маски. Булькало в воде. Тихо переговаривались волны, лаская песок. Разноцветные бабочки вели хороводы в воздухе. Ей казалось, что она среди ундид и сильфид...

Сергей хотел много чувствовать и чувствовать спешил. А ей нужен был только он, заполнивший все ее чувства. Она шептала Сергею, прильнув к его крепкой груди: «Я хочу быть похожей на тебя!» Она, правда, не понимала, что это значит на самом деле?

Год, как у Лены умер папа. И появился Сергей. Она строила планы будущей жизни «втроем: мама, Серже и я» (мама у Лены была детским врачом в маленьком дальневосточном городе). Сергей отца Лене сразу заменил. Пора было с мамой его познакомить. Лена начала строить планы. Даже решила в следующий год поступать в медицинский институт. Сергея

ее планы ничуть не интересовали. Он жил наудачу и своих планов конкретных не имел. Она решил, что с ней он образумится, соберется, и, по-хорошему успокоится. Что она решила – Сергея не волновало. О разлуке ни она, ни он не думали. Но – каждый «не думал» по-своему...

...Дождь усилился до штормовых порывов. Ветер завихрял опавшие листья в копны. Стало холодно даже в объездах. Ленка промокла, замерзла, дрожала, руки ее, засунутые под плащ Сергея все равно окаменели от холода. А Сергей продолжал состязаться со стихиями ветра, воды и вихрями грязных опавших листьев. Наконец Ленка подтянулась к уху Сергея и закричала, стараясь перекричать вселенский гул непогоды:

«Милый, пойдем ко мне! Там тепло. Тап тихо. Сбросим мокрую одежду. Наденем толстые халаты. Я посажу тебя в глубокое кресло у камина. Буду поить тебя крепким горячим чаем с малиновым вареньем...» Он, казалось, ее не слышал! И, вдруг лицо его исказилось зловеще в неоновом свете гремящих фонарей. Да, это он прокричал в ответ ее предложению уйти к ней домой, в теплую квартиру с крепким чаем и малиновым вареньем;

– Ленка шла бы ты... домой! Сейчас же! Я больше не хочу тебя видеть!» Он грубо оттолкнул себя от нее. И повернулся к ней спиной... Лена опешила, зарыдала бесслезно, и быстро пошла прочь, не обходя лужи. Больше они не встречались.

P.S. Лена вышла замуж вскоре за хорошего знакомого

Сергея. К сорока годам, когда они случайно встретились в медицинском институте, где она преподавала, Сергей ее не узнал: так сильно она потолстела и так сильно поредели ее смоляные кудри!

24.П.66

Е.А. (Ты стала навязчивой идеей...)

Ты стала навязчивой идеей,
Зубной боли нуднее.
Желание тебя увидеть,
Дотронуться, ощутить и обидеть!
Воспаленный рассудок
Пронзает мысль – ты далеко!
И, поверить бы в чудо,
Что и ты одинока.
Пусть немножко – страдаешь.
Пусть без слез – но рыдаешь.
Без мыли иль глупо
Дни и ночи смешала.
Молишь бога – готова поверить —
Дай мне счастья немного!
Жизнь возьми в замену!
Без любви – все постыло.
Ты собой воплотила
Счастье, боль и надежду!
Нет желанья, как прежде,
Бродить одиноко,
В бездны души низринув.
Смеяться над роком —
В себе заблудиться и сгинуть.
Для тебя – каждый шаг мой,
Вздых каждый и слово —

Готов отдать я,
Моля снова и снова —
Любви твоей, долга
И вихря желаний...
Все напрасно, лишь только
От всего – покаяние!

28.ІІІ.66

Рае

Опять весна, уж верю ей,
А ночь – моя сообщница.
Где в парке, старый дуралей,
От ласк девчонки корчится.
Озноб берет – еще свежо,
Не греют губы пухлые.
Не уютно все еще
На скамейке туфелькам.
Шуршит болонь, мешает – мнешь,
А скинуть – черта, холодно!
Ты от нее не все берешь —
Домой идет голодная...
Но дни бегут – за часом час.
Тепло листвой обещано.
Ликует, радуется глаз...
В кустах мильтон мерещится!

12.V.66

Л.М. (Я нарочно в измятых, не глаженных брюках...)

Я нарочно в измятых, не глаженных брюках —
Резкий ветер с кудрями моими шалит...
А – куда ни взгляни – бесконечная скука —
Мечта исчезает в дали!
Лист развеян тоскою,
Опавший, ненужный —
Засоряет мне душу, кружит.
Из-под серого неба на непрошенный ужин
Я бегу и дорога спешит.
Я бегу, я устал, и все ниже, все ниже —
Все облипнет туман...
Но конец уж мелькает все ближе, все ближе —
Как сладкий дурман!

Л.М. (Ты целуй меня, целуй...)

Ты целуй меня, целуй
До пьяна, до боли!
О, целуй меня, целуй,
Сколько хочешь, в волю!
Искусай мне губы в кровь,
Напой слюною...
Я прошу, моя любовь —
Не робей со мною!
Ты к груди моей прижмись,
Обними покрепче.
И, лаская, подари
Бесконечность!
От желаний задохнусь,
Изомнусь в объятьях —
Ты не мучь меня, не мучь —
Сброс скорее платье!
Что же ты молчишь, дрожишь,
Иль пугает что-то?
От себя не убежишь!
Да, кому охота?
Напряглась, звенит струна —
Ты моя... Согласна?
— Да!
(меня хочешь? Хочешь?
— Да!)

23.IX.66

Л.М. (Глыбы камня сирого, да пни обгорелые...)

Глыбы камня сирого, да пни обгорелые —
Ворон кричит.
Ветер стонет и гложет...
Тенью робкою,
Волком выть!
А луна —свидетель, холодная...
В сизом тумане дрожит.
Голоден я, ты – голодная...
Но надо жить!
Степь широкая, огоньки далекие —
Манят.
Что, проку-то?
Едрена мать!

13.X.66

Порывы

Безбрежное море, холодное море...
Что – человеческая воля?
Коварное, манящее в даль —
Кровавое зарево, девятый вал.
Тоска, страдание, неутолимые желания,
Не оправдание надежд
И, страх, пугающий невежд!
И, дикой силою манящей...
Куда, зачем? О, эти грозы!
Кто виноват? Один Он, властен.
Один он – Бог... Порывы, грёзы, суета —
И он – не тот, и жизнь – не та!
Он всемогущий, как во сне...
Но он – не тот, и те – не те!

24.II.63

Ненависть

О, как страдаю я —
Рана моя не излечима!
Будь проклята ты, моя судьба!
Будь проклята та, что меня породила!
За что? Отчего? Почему я страдаю?
Почему я такой?
Сволочь – жизнь. Я тебя проклинаяю!
И ненавижу всей душой!
До чего ж ты жестока и низка!
До чего же коварна и зла!
И, подкрадываешься близко, близко —
Густая мгла!
Я ненавижу все, чего касался.
С глухим восторгом – что сжигал...
И, вот я с тем, чего боялся,
И отчего стремглав бежал!
Я чувствую, достиг предела —
Теперь я выше серой мглы...
Зарубцевалось, что болело...
Теперь все «ты», что было «вы»!

Любовь

Сколько, сколько о ней сказано!
Кто ее только не проклинал!
Сколько сердец ею было связано —
Обвал!
Сколько высокого и благородного,
Чистого и премудрого в ней!
Но каждый ищет чего-то нового,
Неожиданного, в любви своей.
Полюбил, словно вновь родился,
Ростом выше стал...
Сильно хотел... помочился.
Обмозговал!
Любовь – это юность, двое...
Это радужно, это навечно...
Это маком покрыто поле...
Короче, любовь – безупречна!
Но любовь не всегда «мир», «согласье»...
Любовь – это гром среди ясного неба.
Это день среди темной ночи...
Любовь – это там, где ты еще не был...
О, прекрасные очи!
Любовь – это то, что умолкнет с годами.
И – превратится в мираж...
Любя, проклинаям себя мы сами...
Короче – любовь – блажь!

Презренье

Презренье не прозренье —
Я проклиная день и час,
Когда узнал всю подлость в вас —
Души брожение!
Чем жизнь ничтожней,
Тем коварнее мечты.
Ну и что же —
Или я, или ты!
Жертва ханжества смердит душою...
Не понятно? Могу сильнее...
Я тебя таким матом покрою —
Бей меня, сука, бей!
Боязно страсти в глаза взглянуть —
Коль глаза с поволокой...
Кончай свою линию гнуть —
Кончишь плохо!
Невежество – другая радость.
Сон разума – слепой сон.
Но вот и старость подкралась —
А ухо наступил слон.
Жизнь – это борьба!
Я и к людям, я и к Богу...
Ба!
И я потерял дорогу!

Страх и трепет

Серость, обыденность и пустота,
Когда рассудком обижен.

Среди меня – толпа:

Ни зги не вижу!

В речах неясность,

Желанья напрасны

Ты, ведь, не та!

Хожу, иду

Туда, где не был...

Бреду в бреду, не зная меры!

День проходит, снова вечер

Пугает ночь и гаснут свечи.

Я там опять, когда где не был!

А передо мною – небо!

Вот страх и трепет.

Еще, что хуже?

Я слышу лепет

Младенца-мужа!

Я свою непохожесть искал повсюду —

В море неона и в дремучем лесу.

Я не такой и таким не буду —

До краев чашу полную несущ!

Не расплескать бы себя по дороге!

Мне б запечь в ладони яйцо.

В лесу – лешие, в неоне – боги...
Здесь мой порог, а там – крыльцо!

Тоска

Не в защиту униженных
Судьбой иль рассудком обиженных,
Здесь скажу.
Ни слова неясности
В стремленьях напрасных,
Средь теней тенью брожу.
Где бы я ни был – с врагами, друзьями,
Хоть богом, хоть чертом – печальна стезя!
Вот вы, посудите, судите же сами...
Пешка берет ферзя!
День пролетел и снова вечер —
Я снова один и она одна —
Усталой рукой зажигает свечи
И садится у окна.
Вечер – какое странное время!
И не день, и не ночь...
Вот когда ощущаешь бремя
И хочется сгинуть прочь!
Я с тоскою на ты.
Да я ей очарован...
Она – цветок, цветок сорван!
Ноет в груди, как зубная боль...
Черт побери: что ж такое со мной?

Пятна чувств

А.Л.,И.Ч.

Ты приснилась нежна и прекрасна.
Ты сказала – «тебя я люблю».
Ты сказала – «страдаешь напрасно,
Быть с тобою я очень хочу!»
Целовал я тебя, дорогая,
Упивался любовью твоей.
Но, в объятьях твоих, дерзая
Был не царь я, а жалкий плебей!
Этот сон ...он исчез на рассвете.
Я проснулся в постели один.
Простыня за кошмар мой в ответе —
Кем же был я так страстно любим?
Сны как женщины – лишь коварством прекрасны.
Страдать заставляют они...
Ощущения их неясны —
На простынях оставляют следы!

Римме Пужаевой

Тебе

Я снова с тобой – такова судьба.
Снова чего-то жду.
Люблю ли тебя? Конечно, да!
Об этом и не молчу.
Зачем мы опять вместе?
Зачем прошлое тревожить?
Ты – не моя невеста.
И тебя совесть не гложет!
Снова все это... На что, надеюсь?
Манишь в постель – и что же?
Да, прошлое не развеешь...
И ничто не поможет!
Напрасны старанья, намеки, манки...
Память? Она коварна!
Ушла, так ушла. Подальше иди —
Ладно?
Да, любить я хочу и люблю —
Ты будешь всегда со мной!
Но я тебя убью,
Если навяжешь бой!
Люблю, любил и верю...
И пусть убегает время —
Далеко ему не уйти —

В забвене не видно пути!

14.Ш. 63

Римме П.

Тебе

Я снова живу в мыслях о тебе —
Тебя днем и ночью жду!
Живу я тобою в бреду и во сне
И, черт побери – люблю!
Ты снова придешь и улыбка твоя
Меня наградит.
Мы вместе и снова забыл про все я!
О, как прекрасно жить!
Тебя я люблю, я тебя желаю...
Нет прекрасней тебя – я знаю!
Спасибо тебе за то, что ты есть...
Хорошо было б тебя съесть!
В этой жизни хорошего мало —
Спасибо тебе за все!
Быть чужой для меня не надо
И не надо бояться меня еще!

Мише Кирину

Дождик в марте

Было холодно, было обычно
И лица кругом, как всегда!
Вдобавок совсем неприлично
Вдруг за шиворот потекла вода.
Дождик сроду не может быть!
Время быть не ему!
А, он пошел в доказательство бить
По шляпе – хорошо не по лбу!
И вот первые убегающие
И нелепые обвинения:
«Черт подери, дождь начинается!»
А дождь лужи налил в мгновенье!
И все уже верят
И не мыслят иначе,
Что дождю – самое время...
Ведь небо дождиком плачет!
А он – насмехается, по крышам скачет...
Но... март еще, морозно... в дождике льдинки маячат!

19.Ш.63

Женщина

Римме П.

Вот ты передо мной —

Красивая и гордая...

Ну и черт с тобой —

Тронутая!

Ты веришь, что любишь,

Тебе хорошо —

Всегда рядом будешь...

Ну и что?

Мужчина и женщина — Все мы-люди!

Одним днем живем и так жить будем.

Одно нас волнует, тревожит

И возвышает одно.

Одна беда мыслью гложет:

Ты есть, но не мне дано!

В день рождения и в день кончины —

У нас с тобой не одни причины...

И от того мне у сердца горче...

Если я — человек, то ты — больше!

21.Ш.63

Римме П. Мише К, – кромe 15 строчки

Вам!!!

Сижy и ждy,
И, вечно ждy.
Чего же ждy?
Чего – хочy!
Тоскa томит,
А ты —молчишь!
А я один
И скучно мне!
И все темней, темней в окне.
Часы бегут —
Меня поймут:
Тебя все нет —
Не мил мне Свет!
Так где же ты —
Любовь моя?
Ко мне приходи —
Тоскую я!
Я одинок в кругу теней...
И чужда мне толпа зверей...
Ты вновь придешь,
Ты все поймешь!

Так где ж ты?
Сволочь!.. ПРОСТИ!

23.III.63

Космос

Гагарин! Юрка...
В Космосе чурка.
Не чурка – ракета...
От других планет все нет ответа...
Ликуй и молись —
Хвала Гагарин!
Рассудок молчит,
Башка не варит!
Кто же Первый, кто же Герой?
Крыса иль Партии верный,
ЧЕЛОВЕК, мне родной?!
История – сука.
Рванул брюки.
Гагарин – заплатка.
За все – расплата!
Я – тоже Юрка.
Я тоже – Гагарин...
Но это – вчера...
Это пепел, товарищ!

Паньковой Нине, моей однокласснице-самоубийце

Ты

Вот ты опять, вот стоишь

И ждешь, а я пишу.

Чего ты хочешь, о чем молчишь? —

И я молчать могу!

Ты не живешь... Вот теперь довольна?

А тебя кто-то любит, кому-то больно!

А ты смеешься и ТАМ не грустишь...

Серая, серая мышь!

Цель смерти... да нужна ли она?

Тебе легко вчера было?

Умирать – не жить. Смерть – не борьба...

Верю, что все опостыло!

Да, думать теперь не модно —

Модно теперь умирать...

Ладно, согласен – тебе угодно

Из памяти – вот, убежать!

23.III.63 (62!)

Римме П. (Ты не пришла, тебе легко...)

Ты не пришла, тебе легко.
Ты как она —
Она от меня далеко.
Нет, она – это что-то иное —
Черное, прекрасное или дурное.
Она – это пройденный этап...
А мне – скучно так!
Тебя я люблю – это ведь просто.
Может я чудак —
Не вижу версты?
Придешь? Не молчи!
Чего же боле?
Уж прилетели грачи —
Но весна – все в неволе!

23.III.63

Кирину Мише

Сегодня глупый день...

Одному тосковать лень!

Приходи, пьяный пень —

Наведешь тень на плетень!

А, может жизнь – нечего?

Что орать, воронье пугая?

То, что кем-то, когда-то нам дано —

Несем не теряя!

На душе у нас с тобой – негусто!

Тоскливо и пусто!

Вместе – еще сложнее? Зря ты меня пугаешь!

Как знать, чего не наешь?

Белле Н. Весна

Звон капель мелодичный —
И краски, и запах, и все...
А мне не спокойно, мне неприлично —
Не пронесло!
Улицы шумнее, люди пестрее —
Снова торопимся жить, —
Все что имеем, все, что сумеем,
Друг другу пора предложить!
Солнце щедрее, небо добрее,
Лучик ласкает глаза...
Ты появись, появись, поскорее —
Утренняя роса!

Незнакомке

Как давно я не просыпался
От тянущейся, сирой жизни!
Боялся, да, боялся —
Лучшего не увижу!
Того, что вдруг взволнует,
Того, что вот так интригует —
Позой, взглядом, походкой —
Сладким вином иль водкой!
И вот так, случайно
Ты и взгляд твой и губы —
Нечаянно, отчаянно —
Пусть будем прокляты, но – будем!
Во – время ты меня разбудила —
Чудо сотворила!
Буду вновь желать —
Спать... но – с тобою спать!
Я люблю, я в тревоге —
Что там, когда раздвинешь ноги?
В пропасть навзничь упасть...
В сладость!
Это нам необходимо...
Зримое незримо!

Волнение

Я робко вступаю на серый лед,
Глотаю прохладу из бокала времени...
Вот, в стороне, ручей поет —
Не зная бремени.
Тревожно от радости грядущей,
И не нужен хлеб насущный!
Одним воздухом сыт...
Слезами глупыми омыт!
Горизонт к себе зовет —
Вот!
Весна! И лед обманчивый,
И глупый мотив навязчивый...
А, вдруг леший поет,
Там, за горами синими?
А, подо льдом, русалка живет —
До хвоста покрыта инеем!
Впереди – все прекрасно!
Тревоги мои напрасны!

Эпитафия для себя

Меня здесь нет. Здесь только прах —
Тела жалкого останки.
И страшный, странный, вечный мрак...
И одиночество, и все здесь гадко!
Я позабыт уже давно —
Не важно – жил ли я, иль не жил...
На камне птичье дерьмо —
Свежее!
Тот вечный страх, потуги, суета,
То, что когда-то было жизнью...
И – та, которая не та,
Давно уж все предстало пылью!
Вот написал – нет опечаток...
Не трожь мой камень без перчаток!
30.III. 63

Друзьям

Я к вам пишу, друзья мои —
Не так уж много вас.
Как не похожи друг на друга мы —
Подчас!
Бывает, грубы вы, смешны —
Но плохо мне без вас!
Бывают ангелы грешны —
Класс!
Вы приходите во снах,
Во снах, не наяву,
Как голубь в облаках...
На радость, или беду!
Приятен мне ваш скрип зубов
И волка вой в степи...
Мой дом – ваш кров!
Как ясный день в ночи.
Мне хорошо с тобою, Боб.
С тобою – Мишка, друг!
А ты, Сережка, медный лоб —
Дуб!
Да не исчезнем мы в годах,
Не сгинем в забвенье...
А та, которой я пропах —
Со мной в могильном сне!

30.III.63.

О, жизнь! Насколько ты глупа...

О, жизнь! Насколько ты глупа —
Настолько ты прекрасна.
Как паутина, ты тонка
И, как мираж, неясна.
Мгновенье ты и бесконечность —
И горе ты, и радость.
Как молодость легка, беспечна
И тяжела, как старость.
Ты – первый вздох и поцелуй,
И стон последний – ты.
Ты – ураган из вечных бурь,
И – явь, и бред, и сны!
Скажи-ка жизнь, что ты без нас?
Без Я, без Ты, без Мы?
Без голубых любимых глаз,
Без девичьей груди?
Не знаю жизни без тепла,
Без запаха любви...
О, жизнь, меня ты припекла —
Короче... Уходи!

Мы

Жесткие мозоли,
Пыль чугунная
Въелась в ладони,
Временем натруженные.
Тиски руки,
Пылающее сердце!
Узкие брюки —
Клеш вместо!
Вечно беспокойные,
Чем-то недовольные —
За все в ответе
В этом веке!
Во все вмешаться,
Во всем разобраться!
Стальные мышцы...
Вечно без денег!
Были, да были —
Все вместе -веник!
Споры идейных,
Женщины, вечеринки —
В разговорах питейных
Скрыты слезинки!

Не с томным взором,
Не с нежными пальчиками...

Потомкам укором —
Железные мальчики!

Белле (Какая-то тихая мелодия...)

Какая-то тихая мелодия
Окутала покрывалом.
Голубая рапсодия —
Плеск волны у причала.
Звезды полет, исчезая, мерцает.
Песня где-то плывет
А здесь все замирает.
Я один в этот вечер
У причала стою —
Не жду ни с кем встречи —
Чью-то песню пою!
Я один, нет, мы двое —
Мы сегодня одни,
И шепчет нам море
Про тайны свои.
О русалке прекрасной,
Холодной и гордой —
Тоже несчастной,
С человеческой мордой!
Там рак-отшельник
Забился под камень.
Злобно, мошенник
Шевелит усами.
Здесь сети расставила
Ведьма морская.

Римме П. (Ты близко, друг мой...)

Ты близко, друг мой
И все же далеко!
Заменить другой
Тебя нелегко мне.
Почему же со мной ты,
Какая-то иная...
И глаза твои,
И улыбка бластная!
И все же хочу, чтобы была ты со мной —
Но – не счастьем, но не судьбой!
Как много других, красивых и умных...
Не чужих, но не нужных.
Есть женщины для наслажденья.
Есть – быть мужней женой.
Ты и не то, и не это. Ты, как мгновенье...
Да и я с тобой другой!
Таким как ты – посвящают стихи...
А влюбиться – с ума сойти!
За что, скажи, таких вот вас
Мы любим в жизни только раз!
(кто пьет пиво, а кто – квас)

Римме П. (Я люблю целовать твои губы...)

Я люблю целовать твои губы,
Касаться твоей груди...
В любви мы с тобой только люди —
Не можем быть выше любви!
А ты сидишь, сжав колени
И скрыть хочешь желанья свои.
И меня вот берут сомненья...
Ну, вели взять тебя, проси!
Ты же хочешь, ведь хочешь, родная!
А скрывать – нелепо, смешно!
Посмотри, как тебя я желаю...
Грех не грех. Грешно не грешно!
Посмотрев на меня, ты кивнула —
Колени раздвинула ты...
Улыбаясь, слегка подмигнула —
Но... желанья не больше мечты!

11.IV.63

Наде

Я несчастлив. И жить надоело.
Жизнь не радостная моя!
Все хорошее пролетело —
Осталась тля!
Вот так, неласковым словом,
Взмахом бровей красивых,
Ты заставляешь снова
Быть сумбурно-спесивым!
Вдруг улыбкой слегка обогреешь —
И снова хочется жить...
О, это ты ловко умеешь —
С издевкой себя любить!
Я – человек простой.
Но сердце – лабиринт веков.
Ты уходишь? Постой!
Не оставляй на душе оков!
Пустота под ложечкой ноет —
Ничтожная боль и только!
Ты слышишь – кто-то воет?
Или плачет горько!
Как глубоки, как свежи наши раны!
Бредем с тобою в сумерках – след-в-след!
Мы помним только боль, только обманы...
Холодное, решительное – «Нет!»

12.IV.63

12/IV - 1065e

~~1065~~

Тане Романюк, моей однокласснице – самоубийце

Вот и все
Жизнь пролетела!
Красивое лицо...
Толпа ревела,
Рыдала, выла.
Но гроб засыпан.
Могила зарыта!

Стальным гвоздем гроба
Сердце пробито!
Вы виноваты оба
И все забыто!
Жизнь ненавидеть...
За что? За измену?
Тебя он обидел,
А – время?
Любить навечно...
И ты б рассмеялась!
Любовь беспечна —
Ну что от нее осталось?
Любовь – игрушка.
Любовь – забава.
Разве смерть лучше,

А жизнь – отрава?
Зачем же так глупо,
Так дешево-просто...
Умереть не трудно.
А смерть – не гостья!
Никто не виновен.
Каждый оправдан...
Но я не спокоен...
Это я – отравлен!

18.IV.63

Саше Бичеву, моему однокласснику-самоубийце

Мое поколение, мне стыдно —
Неужели люди глупеют?
До слез обидно,
Что героев оно не имеет!
Разговоры, мечты и желанья —
Деньги, девчонки, а больше?
Одни комсомольские собрания! —
Как смешно и больно!
Молодежь – старики душою...
Удивляются даже дельфины!
Прекрасное проходит стороною...
Нам даже не снилось!
В бессилии рвем с жизнью...
И – ничего мы не знаем!
*Да, «есть множество способов сдохнуть —
На себя наложит руки...
И, самый худший в этой науке —
Жить продолжать!»* – Кредо, суки!
Боязно мыслью окинуть —
Все, окрест себя...
Да, легче просто сгинуть!
Бля!
Жизнь пролетает мимо,

Как пуля шальная.

А иных, рикошетом игриво

Зацепляя!

Друг друга страшно понять —

С одышкой бежим от Правды!

Едрить твою мать —

Поколенью моему – браво!

Р.С.В элитной школе №55 города Хабаровска

В моем 10 «А» классе, покончили с собой четыре человека – две девочки-красавицы, и два мальчика – успешные спортсмены. В этом году в нашей школе вместо многих уроков (литературы, истории, географии, преподавали «Контрольные цифры народного хозяйства» Никиты Сергеевича Хрущева. Во главе такой переделки школьного расписания стояла Ольга Сергеевна (фамилию забыл), завуч и партторг школы. Дама супер-эпилептоидного характера! У одной девочки папа был партийный работник, у другой – главный инженер завода Энергомаш. У одного мальчика папы не было. Но мама была видным общественным деятелем в Хабаровском Крае. У другого мальчика папа был заведующим отделом культуры Крайкома КПСС.

20.IV.63

Р.Р.С. Я принципиально не ходил на уроки Ольги Сергеевны по «Контрольным цифрам народного хозяйства»... Она пыталась не допустить меня до выпускных экзаменов на аттестат зрелости, несмотря на то, что по всем остальным предметам у меня выходила твердая «5»!.. Меня отстаивал: мой отец, Ветеран ВОВ, почетный работник ГВФ и секре-

тарь партийной организации ГВФ Хабаровска; моя мама – Ветеран Трудового Фронта ВОВ, Почетны работник Трудовых Резервов, переименовавшая «ремеслуху —ремесленное училище» в «Производственно-техническое училище» и мой тренер по боксу заслуженный мастер спорта СССР, Александр Карпович Закарьян. Все экзамены я сдал на «5». Но ни «золотую», ни «серебряную» медаль не получил. По географии (предмет Ольги Сергеевны).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.